

Кризис идеологии универсального разума как вызов социальной структуре модерна

А.В. Белокобыльский

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, Киев, Украина

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-124-133

Аннотация

Статья посвящена артикуляции и уточнению содержания понятия «культурная идеология». Согласно позиции автора, как для описания идеальных по своей природе предельных горизонтов социальной реальности, так и для уточнения культурной роли связанных с этими горизонтами онтологических убеждений понятие «культурная идеология» представляется более удачным, чем известные из истории философии понятия «покров идей» (Ideenkleid), «общественное представление», «мировоззренческая доминанта» и т.д. В отличие от хайдеггеровского понятия «сущность бытия, властвующего в истории», понятие культурной идеологии претендует лишь на описание субъективных установок индивидов, которые в совместной культурной деятельности конституируют intersubjective пространство смыслов и действий. Однако именно эти установки формируют основания культурного опыта, определяющие социальную структуру и социальное бытие в каждую конкретную эпоху. В наше время происходит трансформация установки, сформированной программой Просвещения и являвшейся доминирующей для общества Модерна. Симптомом этой трансформации – состояние «постправды» (post-truth). Оно означает отказ от императива единственной истины и свидетельствует о кризисе универсального разума, обосновывающего и легитимирующего научный подход к миру и лежащего в основе программы развития техногенной цивилизации. Фактически речь идет о кризисе культурной идеологии универсального разума, угрожающем не только социальным институтам, связанным с доминирующим цивилизационным статусом науки, но и социальному порядку, опирающемуся на открывавшийся универсальному разуму мировой порядок, т.е. системе универсальных ценностей, равных прав и свобод, общей истории, прогрессу и т.д.

Ключевые слова: модерн, культурная идеология, постправда, социальный порядок, разум.

Белокобыльский Александр Владимирович – доктор философских наук, профессор, глава Киевского отделения Украинского института стратегий глобального развития и адаптации.

alexwh@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6251-650X>

Для цитирования: Белокобыльский А.В. (2019) Кризис идеологии универсального разума как вызов социальной структуре модерна // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 3. С. 124–133.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-124-133

The Crisis of Ideology of Universal Mind as a Challenge to the Social Structure of Modernity

A.V. Belokobylskyi

Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation, Kyiv, Ukraine

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-124-133

Original research paper

Abstract

The article examines the articulation and clarification of the concept of cultural ideology. According to the author's position, both for describing of ideal "horizons" of social reality and for clarifying the cultural role of ontological beliefs associated with these horizons, the concept of cultural ideology is more successful than the previously used concepts of "garment of ideas" (Ideenkleid) "social representation," "dominant worldview." Unlike Heidegger's concept of the essence of being that is ruling in history, the concept of cultural ideology claims to describe only the subjective attitudes of individuals, who, by a joint cultural activity, constitute an intersubjective space of meanings and actions. However, these attitudes form the foundations of cultural experience that determine the social structure and social being in each specific historical era. In our days, there are signs of the transformations of the foundations of the cultural ideology that originated in the age of Enlightenment and dominated in the society of Modern Times. The evidence of those transformations is a phenomenon of "post-truth." The denial of the singularity of truth is an evidence of the crisis of the universal mind that is a justifying and legitimizing foundation of sciences and technologies. Moreover, the crisis of the cultural ideology of universal mind endangers not only the science itself but the entire social order (including its values, universal rights and freedoms) that was formed by the belief in the universality of mind.

Keywords: Modernity, cultural ideology, post-truth, social order, mind.

Aleksander Belokobylskyi – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Kyiv Branch of the Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation.

alexwh@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6251-650X>

For citation: Belokobylskyi A.V. (2019) The Crisis of Ideology of Universal Mind as a Challenge to the Social Structure of Modernity. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 3, pp. 124–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-124-133

Введение

Сравнительно недавно один из знаковых персонажей мировой политики Генри Киссинджер, говоря об угрозах искусственного интеллекта, следующим образом обобщил эволюцию духовных парадигм человечества: «На протяжении всей истории человечества цивилизации создавали способы объяснения мира: в Средневековье это была религия, в эпоху Просвещения – разум, в XIX в. – история, в XX в. – идеология» [Kissinger 2018]. Не берусь судить о философских достижениях госсекретаря и советника американских президентов, однако практического опыта мышления на глобальные темы ему не занимать: подобная продолжительность активной фазы пребывания в высших эшелонах мировой политики встречается не часто. Обращение Киссинджера к теме искусственного интеллекта интересно в двух отношениях.

Во-первых, уже указанной типологией духовных парадигм, лишь последнюю из которых он называет идеологией. Однако представляется, что в данном случае Киссинджер имел в виду сугубо политический тип идеологий, как минимум две из которых действительно окрасили XX в. в красно-коричневые тона. Однако при ближайшем рассмотрении и мифология, и религия, и история представляют собой варианты в разной степени «глобальных» идеологий. И в этом смысле наш век уникален не столько господством именно идеологии, сколько новым, невиданным ранее по структуре и влиятельности ее типом.

Во-вторых, похоже, сама проблема искусственного интеллекта, о которой с озабоченностью говорит Генри Киссинджер, обретает масштабы глобальной угрозы именно в мире, меняющемся в направлении тотальной подверженности подобным интеллектуальным технологиям. И автора пугают не сами алгоритмы машинного мышления, а «идеологические» изменения, переживаемые человечеством и миром, капитулирующими перед глобальной идеологией искусственного разума.

Интересен и вывод Киссинджера по поводу возможностей современной науки противостоять глобальным вызовам: «Философы и другие гуманитарии, которые помогли сформулировать концепции мирового порядка, в дискуссию не вступают, потому что им не хватает знаний о механизмах ИИ или его возможности приводят их в ужас. Научный мир, напротив, готов исследовать технические возможности своих достижений, а технологический мир занят масштабным коммерческим воплощением своих идей. Оба мира стремятся раздвинуть границы открытий, не понимая их. А власти больше интересуют использование ИИ в сфере безопасности и разведки, чем уже начавшаяся трансформация человеческой жизни» [Kissinger 2018]. Авторское резюме неутеши-

тельно: «Разработана потенциально доминирующая технология, нуждающаяся в направляющей философии... Очевидно одно: если мы не начнем эту работу в ближайшее время, очень скоро мы поймем, что уже опоздали» [Kissinger 2018].

Отсутствие интегральной картины в этой и других важнейших областях научного знания связано с прогрессирующей дифференциацией исследовательских областей. Впрочем, у этого явления есть и иная сторона, обусловленная установкой на прагматизацию науки. И если тенденцию к постоянному сужению поля конкретных научных исследований можно признать одной из изначальных особенностей науки, то в случае ее все большей ориентации на практический результат нельзя не видеть изменений идеологического характера. Бесспорно, такая переориентация характерна для многих, если не всех сфер современной общественной жизни. Но очень похоже, что так происходит не потому, что мы стали более практичны, а из-за кризиса классических идеалов развития науки: ученые вместе с большинством обитателей развитого мира все менее склонны верить в достижимость и даже существование объективной истины. Очень показательным в этом отношении является провокационный эксперимент, информация о котором стала достоянием СМИ и широкой научной общественности (1). Представляется, что этот эксперимент является ярким примером ситуации в науке времен «постправды».

Эпоха «постправды»

Постправда (post-truth) не просто интересное и популярное слово, признанное Оксфордским словарем словом года в 2016 г. Мартин Хайдеггер в свое время показал, что у каждой эпохи есть свое понимание истины [Хайдеггер 2009]. Греки видели в истине приоткрытость божественного мира, римляне – категорическую обязательность закона. Современная западная цивилизация сформировалась как цивилизация Истины, данной в Книге (Библии). Вплоть до недавнего времени мы оставались обитателями той самой «Галактики Гутенберга», описанной Маршалом Маклюэном, – цивилизации пусть и растраскированных в миллионах экземпляров, но архитипически связанных с Книгой книг, несущих в себе частички той самой истины, которую ищут теологи и ученые. Однако сегодня мы говорим о том, что живем в мире «постправды», мире, где сосуществует множество истин, роль которых зачастую играют ложь, фейк, мнение. Этот феномен становится предметом все большего количества специальных исследований [см.: McIntyre 2018; Stenmark et al. 2018]. Цифровые технологии, новейшие средства коммуникации и цивилизационные вызовы сформировали реальность, в которой все труднее не то что отличить истину от лжи, но вообще точно сформулировать,

что же такое истина. Библейский вопрос предстал сегодня в новой форме, и эксперты пытаются понять, чем опасно сегодняшнее время постправды, и найдет ли человечество средство борьбы с фейковыми новостями, манипулятивными утверждениями, нечистоплотностью в виртуальном пространстве.

Интересное исследование-опрос провели сотрудники Pew Research Center [Anderson, Rainie 2017]. Их респонденты разделились в своих ответах на поставленный вопрос о том, улучшится ли информационная среда в будущем, практически пополам: 51% из них оказались пессимистами, 49% верят в то, что информационная среда будет улучшаться. Пессимисты считают, что стремления людей к успеху и власти никуда не исчезнут и будут далее ухудшать информационную среду. Усугубит ситуацию развитие самого Интернета и различных онлайн-приложений, а также растущая доступность первого и вторых. Эксперты указали на то, что люди, заинтересованные в манипуляциях мнением других, никуда не исчезнут, а волна популизма и ненависти, накрывшая цивилизованный мир, будет провоцировать дальнейшее ухудшение ситуации. Негативными факторами также следует признать размывание представлений о об «объективном факте» и «истине». Не стоит сбрасывать со счетов экономические и политические интересы, стоящие за информационными сообщениями и подкрепляющие информационные кампании значительными финансовыми ресурсами. Эксперты отметили затруднительность прямой коммуникации между людьми и связанную с ней деградацию рациональных дискуссий и доверия.

Было высказано предположение о возможности нового социального расслоения – на людей, ориентирующихся на высокие стандарты верификации информации, и на тех, кто довольствуется в этой области «ширпотребом». В связи с этим можно прогнозировать развитие «рынка достоверной информации» с привлечением достаточно существенных средств. Различные акторы и институты истины будут способствовать формированию нескольких «ареалов истины» со своими аксиомами и стандартами, конвенциями и обитателями.

Фактически речь идет о ситуации, когда состояние массового мышления и существующие технологии воздействия на него позволяют сосуществовать нескольким, иногда (а в последнее время и зачастую) контрарным вариантам ответов на вопросы в любой области культуры, включая этику и политику, если эти варианты ответов приемлемы и даже желательны для отдельных сообществ, имеющих свои собственные дискурсы истины и формы жизни.

Понятие культурной идеологии

Таким образом, констатация состояния «постправды» – это констатация произошедших важнейших изменений в области обще-

культурной идеологии, т.к. в сердце культуры Модерна (Модерн здесь используется, как и у Хабермаса в «Дискурсе о Модерне», в качестве синонима техногенной цивилизации, построенной на ценностях Просвещения) три сотни лет находилась наука с ее верой в наличие единственной истины. Жизнь под сигнатурой императива объективной истины образно и убедительно выразил Леонардо да Винчи: «...там, где кричат, там истинной науки нет, ибо истина имеет одно единственное решение, и когда оно оглашено, спор прекращается навсегда» [цит. по: Петров 1992, 33]. Просвещение и стало глобальным утверждением императива универсального разума, везде и всегда «настроенного» на поиск истины. Другими словами, Просвещение – это программа и эпоха утверждения культурной идеологии универсального разума, в центре которых находилась наука.

Наука – это не только стратегия познания (сформированная в христианской теологии) и социальный институт (как было указано в философии науки XX в.). Как замечает М. Полани: «Наука предстанет перед нами как обширная система убеждений, глубоко укорененных в нашей истории и культивируемых сегодня специально организованной частью нашего общества... к которой мы приобщены... а не выбираем» [Полани 1985, 246]. Она подобна метафизическому ядру, которое И. Лакатос описывал как основу научно-исследовательских программ [Лакатос 1978]. В нашем случае человеческую культуру эпохи Модерна можно уподобить такой программе, сформировавшейся со всеми своими достижениями и запретами вокруг науки Нового времени.

Не научные открытия сами по себе, а определенный подход к миру, формируемый в рамках научного мировоззрения, т.е. идеология универсального разума и единственной истины, сформировали облик современной западной цивилизации. И состояние постправды, бросающее вызов взлелеянному светом естественного разума и ставшему принципом построения глобального человечества универсализму, приводит к утрате веры в наличие истинного порядка природы и уверенности в цивилизационной миссии науки.

Фактически этим подводится черта под провозглашенной М. Хайдеггером эпохой «времени картины мира». Тут следует вспомнить и о том, что сам Хайдеггер подчеркивал, что господство того или иного понятия истины свидетельствует о сущности бытия, властвующей в истории: «...можно подумать, что определение сущности бытия зависит от господства того или иного понятия истины, которое обуславливает способ человеческого представления и, таким образом, направляет мышление бытия. Однако возможности тех или иных *понятий* истины уже очерчены видом этой *сущности* и ее властвованием» [Хайдеггер 1993, 433]. Если «снизить» онтологический

уровень мысли Хайдеггера до ее «проекции» в область человеческого мышления, то культурные идеологии, подобные религии или науке, и есть имманентный, так сказать, «облик» того сущего, которое вверяется человеку. И новая идеология постправды существенно отличается от той, что сопровождала развитие научноориентированного техногенного общества.

Тема культурной идеологии актуальна и сложна. Она касается области объектов, которые «существуют» только на уровне идей, но при этом так или иначе определяют бытие того материального мира, где проходит человеческая жизнь. Пожалуй, именно в этой предметной области можно и сегодня почувствовать жгучую актуальность платоновской философии: что это за идеи и каким образом они «нисходят» в человеческие умы? Вопрос тем более актуальный, что в отличие от платоновских времен, современные философы не могут позволить себе апеллировать к божественным архетипам и вынуждены размышлять над природой разнообразия метаустановок, очевидно меняющихся от эпохи к эпохе и от культуры к культуре. При этом такие установки, как это и должно быть присуще трансцендентальным идеям, не имеют конкретного эмпирического содержания. Другими словами, если именно содержание этих идеальных метаобъектов определяет конфигурацию и содержание эмпирического знания (опыта), то благодаря чему, по каким законам они меняются? Проблема осложняется еще и тем, что обычная для философии понятийная многозначность, когда в разных концепциях схожие «вещи» определяются по-разному, а нечто, звучащее схоже, может обозначать совершенно разнопорядковые феномены, в данном случае приближается к своему апогею. Что и неудивительно, т.к. главным и «метафизическим» предметом философии являются именно те горизонты бытия, которые фиксируются в разуме с помощью предельных понятий, «сказывающихся» обо всем. В зависимости от типа философии эти горизонты признаются либо объективно данными, либо сконструированными. Точнее, конструктивная функция разума признается практически всеми типами философствования, разнится именно «количество объективной данности» в сформированных представлениях, а также природа этой данности.

Для феноменологической философии, признающей первичность «чистого опыта», горизонт идейного бытия будет выглядеть, как призрачное сияние, не имеющее сущностного ядра, как «покров идей» [Гуссерль 2009, 29]. С прагматической точки зрения он представляет собой что-то наподобие интересубъективной практической установки, «общественного представления» [Тейлор 2013, 240], в объективистской философии – это исторически объективный способ описания реальности, имеющий высочайший социальный статус «мировоззренческой доминанты» или «парадигмы» [Степин 2011, 85]. Впрочем, в контексте данной

статьи философскими (принципиальными!) различиями можно пренебречь, т.к. никто не отрицает определяющей идеологической значимости характерного для некоторого сообщества «идейного порядка», задающего порядок его социального бытия.

И с этой точки зрения, состояние постправды разрушает универсалистскую идеологию. Универсальный разум – без веры в единственную истину – превратился в инструмент калькуляции.

Заключение. Состояние «постправды» как симптом кризиса культурной идеологии Модерна

Уточнение процедур верификации или фальсификации уже не исправит дело, т.к. наука как путь к истине больше не является цивилизационной максимой. В повседневной научной жизни этот факт проявился в индексах цитируемости, императиве коммерческой отдачи исследований, идеологизации научного поиска и т.д., в конце концов, – в такой перестройке культурного универсума, который становится соразмерным управляющим возможностям искусственного интеллекта.

Кроме того, одной из составляющих парадигмы любой культурной идеологии являются всевозможные почти «метафизические» установки, касающиеся предельных убеждений в значимых областях социального знания – мировоззрения, идентичности, ценностей, этики, экономики, политики и т.д. Нормальный человек просто не в состоянии составить собственное исчерпывающее представление об их содержании, и забота об этих важнейших элементах «культурного априори» эпохи делегируется определенным социальным институтам вместе с правами на компетентное владение истиной и процедурами ее социальной имплементации. Тип культурной идеологии, определяющий хайдеггеровское «понятие истины», сказывается, таким образом, на облике всего культурного универсума. Авторитет и сила идеологии опираются на «уверенность» в определенном положении дел каждого конкретного индивида, и наоборот – «неуверенность» в былых авторитетах означает потрясение устойчивости структуры социума. Смена «настроек» универсального разума не только «отменяет» веру в единую истину, но и отрицает привилегированный культурный статус науки, превращая ее в лишь один из социальных институтов.

Бесспорно, место науки как идеологии не будет пустовать, а снижение ее социального (общекультурного) значения скажется на авторитете социальных институций, легитимированных ее былым статусом. Однако в еще большей степени кризис универсального разума скажется на тех социальных институциях, авторитет которых опирался на открывавшийся универсальному разуму мировой порядок – систему универсальных ценностей, равных прав и свобод,

общей истории и прогресса. Эти структуры, практики, институты находятся под ударом. Похоже, что мы сегодня осознаем лишь следствия (пусть и яркие) этой глобальной трансформации.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Хорошей иллюстрацией может служить история с тремя учеными, опубликовавшими фейковые статьи в научных журналах. Доктор математических наук Джеймс Линдси, специалист по литературе Хелен Плакроуз и профессор философии Питер Богоссян доказали этим свою гипотезу о том, что в современной науке важна не истина, а идейная политкорректность. Если в статье поддерживаются феминизм или различные меньшинства, осуждаются проявления маскулинности, то такие «исследования» идут на ура. В частности, ученые опубликовали обширные цитаты из книги Адольфа Гитлера «Майн кампф», выдав их за современное исследование феминизма. Своеобразной «вершиной» абсурда стала статья о якобы регулярных изнасилованиях собак с нетрадиционной сексуальной ориентацией в местах выгула. Статья была поддержана рецензентами и опубликована журнале «Gender, Place, and Culture» [Lindsay et al. 2018].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гусерль 2009 – Гусерль Е. Досвід і судження. Дослідження з генеалогії логіки / пер. з нім. В. Кебуладзе. – Київ: ППС-2002, 2009.

Лакатос 1978 – Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. – М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.

Полани 1985 – Полани М. Личностное знание / пер. с англ. М.Б. Гнедовского. – М.: Прогресс, 1985.

Петров 1992 – Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. – М.: Наука, 1992.

Степин 2011 – Степин В. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011.

Тейлор 2013 – Тейлор Ч. Секулярна доба. Книга перша. – Київ: Дух і літера, 2013.

Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 41–62.

Хайдеггер 2009 – Хайдеггер М. Парменид: [Лекции 1942–1943 гг.] / пер. А.П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2009.

Anderson, Rainie 2017 – Anderson J., Rainie L. The Future of Truth and Misinformation Online // Pew Research Center Publications. October 19, 2017. – URL: <http://www.pewinternet.org/2017/10/19/the-future-of-truth-and-misinformation-online/>

Kissinger 2018 – Kissinger H. How the Enlightenment Ends // The Atlantic. June 2018 Issue. – URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/>

Lindsay et al. 2018 – *Lindsay J.A., Boghossian P., Pluckrose H.* Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship // *Areo Magazine*. October 2, 2018. – URL: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/>

McIntyre 2018 – *McIntyre L.C.* Post-Truth. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2018.

Stenmark et al. 2018 – *Stenmark M., Fuller S., Zackariasson U.* (Eds.) *Relativism and Post-Truth in Contemporary Society*. – London: Palgrave Macmillan, 2018.

REFERENCES

Anderson J. & Ranie L. (2017) The Future of Truth and Misinformation Online. *Pew Research Center Publications*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/2017/10/19/the-future-of-truth-and-misinformation-online/>

Heidegger M. (1950) *Die Zeit des Weltbildes* (Russian translation in: *Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches* (pp. 41–62). Moscow: Respublika, 1993).

Heidegger M. (1982) *Parmenides* (Russian translation: Saint Petersburg: Vladimir Dahl Pub., 2009).

Husserl E. (1939) *Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik* (Ukrainian translation: Kiev: PPS-2002, 2009).

Kissinger H. (2018) How the Enlightenment Ends. *The Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/>.

Lakatos I. (1970) *History of Science and Its Rational Reconstructions* (Russian translation in: Gryaznov B.S. & Sadovsky V.N. (Eds.) *The Structure and Development of Science* (pp. 203–269). Moscow: Progress, 1978).

Lindsay J.A., Boghossian P., & Pluckrose H. (2018, October 2) Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship. *Areo Magazine*. Retrieved from <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/>

McIntyre L.C. (2018) *Post-Truth*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Petrov M. (1992) *Social-Cultural Ground of the Development of Contemporary Science*. Moscow: Nauka (in Russian).

Polanyi M. (1958) *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy* (Russian translation: Moscow: Progress, 1985).

Stenmark M., Fuller S., & Zackariasson U. (Eds.) (2018) *Relativism and Post-Truth in Contemporary Society*. London: Palgrave Macmillan.

Stepin V. (2011) *Civilization and Culture*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).

Taylor C. (2007) *A Secular Age* (Ukrainian translation: Kiev: Dukh i litera, 2013).